

**«Динамический эсхатон»: ожидание новой эпохи
в русской метафизике начала XX в.**

© А.А. Романенко

Российский университет дружбы народов, Москва, 117198, Россия

Рассмотрено воздействие усиливающихся в обществе начала XX в. апокалипсических настроений на эсхатологические представления русских метафизиков. Показано, что оценка происходящих катастрофических событий привела их к необходимости поиска альтернативных философскому детерминизму и религиозному фатализму историко-философских воззрений. Проанализирована работа Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни», в которой философ аргументирует целесообразность динамического понимания «конца истории», поскольку, в отличие от фаталистического понимания, оно привносит новое видение событий, в соответствии с которым наступление эсхатона зависит не только от промысла Бога, но и от творческой деятельности свободного человека. Сопоставлены динамическая эсхатология Е.Н. Трубецкого и активная эсхатология Н.А. Бердяева, показано их принципиальное различие, заключающееся в том, что активная эсхатология предполагает не подготовку кардинального преобразования тварного мира, но отрицание этого мира как результата объективации, отрицание, предшествующее новому метаисторическому эону. На примере умозаключений С.Л. Франка, В.В. Зеньковского, Г.П. Федотова, С.Н. Булгакова обоснована точка зрения, согласно которой умонастроения, сочетающие эсхатологизм и эволюционизм, были характерны не только для Н.А. Бердяева, но и для многих представителей русской метафизики, в беспокойные для России и мира времена формировавшихся эсхатологические концепции, с одной стороны, опирающиеся на традиционное христианское мировоззрение, с другой — философски интерпретирующие его и дополняющие хилиастическими ожиданиями новой эпохи. Не видя в революции «начало конца», русские философы стремились оправдать важность для всего мира творческой деятельности личностей, необходимой для продолжения истории как условия этой деятельности.

Ключевые слова: эсхатология, апокалипсис, революция, социальная утопия, трансцендентизм, философия истории, фатализм

Как это всегда бывает в критические моменты истории, в начале XX в. в мире усилились эсхатологические настроения. Спектр позиций в отношении оценки происходящего в среде российской интеллигенции был широк, одни ее представители достаточно успешно «соединяли свои апокалипсические грезы с увлечением революционной демагогией», другие воспринимали все как модную «игру в декаданс» [1, с. 200, 201]. Именно тогда необычайно усилился интерес к воспринятой в духе фантастического сочетания «революционного утопизма» и захлестнувшей общественное сознание «волны мистцизма» работе В.С. Соловьева, изданной под пространным названием

«Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе». В этом произведении явно отражалась когнитивная метаморфоза, случившаяся с мыслителем и прямо связанная с пониманием им «эсхатона» и средств его достижения: от эволюционно-утопической точки зрения на развитие общества он перешел к христианскому эсхатологизму, причем в крайней его форме, граничившей с фатализмом.

Вызванное катастрофическими событиями — Первой мировой войной и революцией — повышение апокалипсических настроений в российском обществе способствовало росту интереса к «духовному завещанию» В.С. Соловьева, при этом трудно поддавалась интерпретация смена мировоззренческого «настроения», которая в нем явно прослеживалась [2], что приводило к необходимости преодоления дилеммы эволюционизма и эсхатологического фатализма, заданной великим мыслителем, а следовательно, к формированию новых концептов, раскрывающих эсхатологическую проблематику. Один из них, концепт «динамического эсхатона», был раскрыт в работе Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни», изданной в 1918 г.

Историко-философскому анализу творчества русских метафизиков конца XIX — начала XX вв. посвятили свои исследования такие авторы, как В.Ф. Асмус [3], И.В. Воронцова [4], П.П. Гайдено [5], А.В. Гулыга [6], А.Ф. Лосев [7], М.А. Маслин [8], Н.В. Мотрошилова [9], С.А. Нижников [10], В.В. Сербиненко [11], С.С. Хоружий [12] и др. Поскольку историософия являлась одной из центральных тем для философских систем отечественных мыслителей этого направления, в многочисленных современных исследованиях в той или иной степени затрагивается эсхатологическая проблематика, а некоторые из работ специально акцентируются на ней [13–15]. В данной статье рассмотрены новые тенденции в эсхатологии русских мыслителей, связанные с осмыслением ими катастрофических событий и со стремлением в какой-то степени отдалить «конец истории».

Внешним поводом для написания концептуального труда «Смысл жизни», по словам Е.Н. Трубецкого, «являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения»; он подчеркивает, что все до сих пор изданные им работы «представляют собою подготовительные этюды к этой книге...» [16, с. 17, 18]. В главе VII философ констатирует, что признаки близкого конца истории, на которые указывает Евангелие, «налицо в наши дни; и, однако, мы должны быть чрезвычайно осторожны в выводах этого факта» [16, с. 317], поскольку подобные явления повторяются в человечестве при всех великих мировых потрясениях, вызывая эсхатологические предчувствия в христианском обществе; при этом он отмечает, что, повторяясь в истории, мировые катастрофы становятся

«глубже и шире», распространяясь на все большие пространства и затрагивая большее число народов. Следовательно, в них есть определенный смысл: *«Они всегда означают не только близость конца, но и действительное его приближение»* [16, с. 318]. Под близостью конца философ предлагает поэтому иметь в виду *«метафизическую близость цели»*. Путь спасения человечества представляется ему путем катастрофическим, проходя которым и отрешаясь «от утопического и относительного, человек *сердцем* приближается к вечному и безусловному» [16, с. 319]. Этот внутренний сдвиг являет миру величайшие творческие силы, раскрывает божественное в человеке. По степени проявления творческих потенций личностей, воплощающих смысл всего творения, можно сделать вывод о приближении «последних дней» мира.

Очень интересным и по-своему оригинальным рассуждением Е.Н. Трубецкого является то, в котором он, обращая внимание на рост ожиданий в христианском обществе пришествия антихриста и даже на многочисленные утверждения о превращении мирового порядка в его царство, высказывает мысль, что логика таких утверждений приводит к тому, что мир действительно отдается под антихристову власть, обуславливая недостойный человека отказ от борьбы за мир, подготавливая сознательную капитуляцию перед наступающим по всем направлениям злом. Пассивные настроения в обществе, связанные со смирением перед неизбежностью, считает философ, основываются на двоякой ошибке религиозных мыслей и чувств — на ложном христианском максимализме, пренебрегающем всеми относительными ценностями нашего мира, и на фаталистическом понимании конца истории. Фатализм в целом мыслитель объявляет нехристианским явлением, присутствующим, конечно, в некоторых конфессиях, но не свойственным в целом христианской традиции, настойчиво утверждающей внутреннюю свободу человеческой личности. С действительно христианской точки зрения, считает Е.Н. Трубецкой, второе пришествие (парусия) Христа есть не только величайшее чудо, совершаемое Богом, но и проявление энергии человеческого естества. Он делает вывод о том, что Христос не придет повторно до тех пор, пока само человечество не будет готово к тому, чтобы это событие совершилось. Человечество должно *«обнаружить высший подъем энергии в искании Бога и в стремлении к Нему»*. Отсюда следует, что конец мира должен быть понимаем *не фаталистически, а динамически»* [16, с. 331].

Акцент на динамическом понимании эсхатона, по мнению автора статьи, представляет собой значительный прорыв в осмыслении эсхатологии, позволяющий полнее осознать христианскую антиномию о Всеведущем Боге и свободном человеке, совместить в одном рассуждении концепты провиденциализма и невозможного без творческой деятельности богоподобия личности, способной, исходя из своих внутренних

побуждений, изменять окружающий ее мир — как социальную, так и природную реальность. Многие русские метафизики следовали именно по этому пути, отрицая фаталистическое отношение к жизни, при этом интерпретации «эсхатологической динамики» у них нередко различались. Н.А. Бердяев, например, подчеркивал свое «активно-творческое, а не пассивное» [17, с. 725] эсхатологическое понимание христианства, казалось бы, полностью согласуясь с точкой зрения Е.Н. Трубецкого; однако при углублении в контекст становится ясно, что «активная» эсхатология Н.А. Бердяева существенно отличается от «динамической» эсхатологии Трубецкого. Оба философа мыслят в одинаковом направлении, но при этом Трубецкой придерживается свойственной также христианским богословам позиции, в соответствии с которой наступление эсхатона промыслительно отдалается для того, чтобы дать возможность многим людям действовать и спастись, а Бердяев пишет о триумфе духовного над материальным, о непосредственном вхождении метаистории в историю, экзистенциального времени в историческое, о подготовке и даже начале в современности нового эона, отрицающего прежний недолжный мир объективации, греховный и недостойный никакого сожаления. С точки зрения Трубецкого, конец мира есть именно его преображение, а не отрицание, поскольку эсхатон в положительном смысле — именно достижение цели мира, который, преобразившись, тем не менее, не перестанет существовать в грядущем будущем, поскольку единожды сотворен когда-то: «Цель мира — не прекращение жизни, а, наоборот, ее преизбыточествующая и *совершенная полнота*» [16, с. 332]. Вполне законные в катастрофические времена мысли о близости конца, таким образом, не должны полностью обесценивать социокультурные ценности, по природе своей относительные, — подобные мысли призваны заставить человека понять подчиненное значение этих ценностей, сконцентрировавшись на более важных для него смысложизненных проблемах.

Следует отметить, что в своей философско-исторической позиции Бердяев не был одинок; умонастроения, сочетающие эсхатологизм и эволюционизм, были характерны в то время для многих представителей русской метафизики. Мучительно переживая мировую катастрофу, вызвавшую русскую революцию и кардинальные изменения общественного сознания, они верили, что все эти события еще не являются окончательными итогами деятельности человечества, а только показывают ему «новый старый» путь, от которого оно когда-то уклонилось, и, по сути, начинают очередную историческую эпоху. Например, в статье «Религиозно-исторический смысл русской революции», опубликованной в эмиграции в 1924 г., С.Л. Франк утверждал, что русская революция катастрофически подвела итог более чем четырехвековому «духовноисторическому движению западного человека», она наглядно

продемонстрировала всему миру «самоупразднение социализма», этого последнего этапа «всего духовного развития нового времени» [18, с. 72]. Заветные стремления Нового времени революцией доводятся «до последнего конца», она экспериментально изобличает все неправды, логически и исторически следующие из «идеала самочинного устройства жизни», последние века руководившего всем человечеством, вслед за нею «...начинается какая-то подлинно “новейшая история”, какая-то совершенно иная эпоха» [18, с. 73].

Франк полагает, что отрицательное определение этой эпохе дать нетрудно — она разочарована в идеале Нового времени, отказывается от прежних ценностей, но вот дать наступающей эпохе положительное определение значительно сложнее. Для этого Франк применяет диалектическую методологию и вспоминает схему «восходящей спирали» исторического развития. Телеологически предопределено, утверждает философ, что человечество минует исторический перекресток, переживет кризис и пойдет уже другим путем, но к прежней своей цели — к «достижению неба»: «Наступает или должна наступить эпоха подлинной зрелости человеческого духа, одинаково чуждой и суровой трансцендентной духовной дисциплине его детства в лице средневековья, и бунтарскому блужданию его юношеского периода» [18, с. 74]. Согласимся, все отмеченное выше звучит красиво и образно, но не выражает ли эта мысль чаяния множества «богоискателей» того времени, стремившихся научно-теоретически выразить «новое религиозное сознание» и аргументировать всецело детерминированное наступление «эпохи Святого Духа»? «Суровая трансцендентная дисциплина» Средневековья определяется при этом как давно пережитое человечеством детство, память о котором сохранилась где-то на задворках его сознания.

Бердяев, до высочайшего предела доведший реформаторское богоискательство и церковное обновленчество русской интеллигенции, к Средним векам относился совсем по-другому. В революции он видел не начало нового дня, а сумерки старого: «Разложение серединно-нейтрального, секулярного гуманистического царства, обнаружение во всем полярно-противоположных начал и есть конец безрелигиозной эпохи нового времени, начало религиозной эпохи, эпохи нового средневековья» [17, с. 418]. При этом совсем не обязательно, считал философ, что в наступающую эпоху снова одержит победу религия Христа, однако эта эпоха будет ознаменована религиозной борьбой и выявлением предельных религиозных начал: Христовых и антихристовых.

С тем, что мир вступил «в период своеобразной религиозной войны», соглашался и В.В. Зеньковский, однако ее цель он видел несколько иначе, а именно в вытеснении «христианства новой религией — “утопией земного рая”», полагая при этом, что «вся драма современного мира и заключается в том, что он продолжает жить благовестием Христа

о Царстве Божием, но хочет достичь этого идеала без Христа» [19, с. 400]. Казалось бы, оба видения будущего имеют большие сходства, представляя его как религиозную войну христианских и антихристианских сил, однако при более внимательном их осмыслении выявляется глубочайшее различие: с одной стороны, поляризация этих сил непременно требует не только формирования предельной антихристианской позиции, но и значительного пересмотра, реформирования оснований самого христианства; с другой — в мире обостряется борьба со злом, при этом историческое христианство, теряя прежнее свое влияние на умы, все же, во-первых, всецело обуславливает антихристианские настроения и, во-вторых, продолжает непримиримую борьбу с этими идеологическими деформациями.

Важно отметить, что многие представители русской метафизики отнюдь не считали положение, создавшееся в мире, проигрышным для христианских церквей. Г.П. Федотов писал в 1926 г., что дело строительства вселенского христианства совсем не безнадежно: «Европейская культура в своих духовных вершинах опять готова, как спелый плод, упасть к ногам Христа. Мир, по-видимому, вступает в новую эру христианской культуры» [20, с. 25]. Заметим, что творчество В.В. Зеньковского в это время во многом будет ориентировано на создание теории «православной культуры». Русские мыслители не видели в революции «начало конца», напротив, они ожидали наступления новой эпохи, предваряющей неизбежное эсхатологическое завершение человеческой истории, и всеми силами стремились оправдать важность для мира творческой деятельности личностей, необходимой хотя бы для того, чтобы история как условие такой деятельности продолжалась.

Интересна в связи с этим точка зрения С.Н. Булгакова, видевшего залог успеха христианского творчества в том, что православие, в отличие от католицизма, «не достроено», причем не только фактически, по чьей-то недоработке, которой не может не быть в несовершенном тварном мире, но и по сугубо принципиальным соображениям, ведь православие «не имеет над собою иного купола, кроме небесного...»; оно стоит теперь перед новыми проблемами, но это ведь значит, что есть и новые возможности: «Православие имеет свой апокалипсис в истории, и он содержит в себе не только конец свершения, но и творческий путь достижения...» [21, с. 362, 363].

Таким образом, рост эсхатологических настроений в российском обществе, инициированный катастрофическими событиями, является одним из доминирующих факторов, вызвавших пересмотр отношения русских метафизиков к эволюционной эсхатологии, утверждавшей возможность для человечества когда-нибудь самому создать справедливое общество; явное несоответствие теории практике способствовало активной выработке ими альтернативных концепций, среди которых

преобладали те, что, с одной стороны, опирались на традиционный христианский трансцендентизм, с другой — философски интерпретировали его, насыщая при этом хилиастическими ожиданиями новой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сербиненко В.В. *Вл.С. Соловьев*. Москва, НИМП, 2000, 240 с.
- [2] Максимов М.В. *Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент*. Москва, Прометей, 1998, 242 с.
- [3] Асмус В.Ф. *Владимир Соловьев*. Москва, Прогресс, 1994, 208 с.
- [4] Воронцова И.В. *Русская религиозно-философская мысль в начале XX века*. Москва, Издательство ПСТГУ, 2008, 424 с.
- [5] Гайденко П.П. *Владимир Соловьев и философия серебряного века*. Москва, Прогресс-Традиция, 2001, 472 с.
- [6] Гулыга А.В. *Русская идея и ее творцы*. Москва, Эксмо, 2003, 448 с.
- [7] Лосев А.Ф. *Владимир Соловьев и его время*. Москва, Молодая гвардия, 2009, 617 с.
- [8] Маслин М.А. Классики русской идеи: Владимир Соловьев и Николай Бердяев. *Соловьевские исследования*, 2014, № 1, с. 47–59.
- [9] Мотрошилова Н.В. *Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов)*. Москва, Республика, Культурная революция, 2007, 477 с.
- [10] Нижников С.А., Гребешев И.В. *Генезис и развитие метафизической мысли в России*. Москва, Руниверс, 2016, 504 с.
- [11] Сербиненко В.В., Гребешев И.В. *Русская метафизика XIX–XX веков*. Москва, Руниверс, 2016, 800 с.
- [12] Хоружий С.С. *После перерыва. Пути русской философии*. Санкт-Петербург, Алетейя, 1994, 448 с.
- [13] Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. *Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики*. Москва, ООО «БОС», 2022, 324 с.
- [14] Глазков А.П. *Эсхатологическая историософия и ее онто-феноменологическое измерение*. Москва, ИНФРА-М, 2015, 216 с.
- [15] Гранин Р.С. *Аналитическая эсхатология*. Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019, 159 с.
- [16] Трубецкой Е.Н. *Избранные произведения*. Ростов-на-Дону, Феникс, 1998, 512 с.
- [17] Бердяев Н.А. *Русская идея*. Москва, Эксмо; Санкт-Петербург, Мидгард, 2005, 832 с.
- [18] Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции. *Начала*, 1991, № 3, с. 56–77.
- [19] Зеньковский В.В. *Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2*. Москва, Русский путь, 2008, 528 с.
- [20] Федотов Г.П. *Собрание сочинений. В 12 т. Т. 2: Статьи 1920–1930-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД»*. Москва, Мартис, 1998, 380 с.
- [21] Булгаков С.Н. *Православие*. Москва, АСТ, 2003, 365 с.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Романенко А.А. «Динамический эсхатон»: ожидание новой эпохи в русской метафизике начала XX в. *Гуманитарный вестник*, 2023, вып. 3.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2023-3-841>

Романенко Анастасия Андреевна — соискатель, кафедра истории философии
Российского университета дружбы народов. e-mail: dior11111@mail.ru

**“Dynamic Eschaton”: expectation of new era
in the Russian metaphysics
in the beginning of the XX century**

© A.A. Romanenko

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, 117198, Russia

The paper considers the impact of apocalyptic sentiments in the eschatological ideas of Russian metaphysicians that were growing in society in the early XX century. It is shown that assessment of the catastrophic events of that period led them to the need to search for the historiosophical views being an alternative to philosophical determinism and religious fatalism. The work of E.N. Trubetskoy “The Meaning of Life” was analyzed, in which the philosopher argued for the expediency of dynamic understanding of the “end of history”. Unlike the fatalistic understanding, it introduces a new vision of events, according to which the eschaton onset depends not only on the providence of God, but also on the creative activity of a free person. Dynamic eschatology of E.N. Trubetskoy and active eschatology of N.A. Berdyaev are compared. Their fundamental difference is shown, which consists in the fact that active eschatology does not involve preparation of cardinal transformation of the created world, but denial of this world as a result of objectification, denial that proceeds the new metahistorical eon. On the example of conclusions made by S.L. Frank, V.V. Zenkovsky, G.P. Fedotov and S.N. Bulgakov, the point of view is substantiated, according to which the mindsets combining eschatologism and evolutionism were characteristic not only for N.A. Berdyaev, but also for many representatives of the Russian metaphysics. They formed eschatological concepts in the troubled times for Russia and the world, on the one hand, based on the traditional Christian worldview, on the other hand, they were philosophically interpreting those concepts and supplementing them with chiliastic expectations of a new era. The Russian philosophers were not seeing “beginning of the end” in the revolution and sought to justify the importance for the whole world of the individual creative activity required in continuation of history as a condition for this activity.

Keywords: *eschatology, apocalypse, revolution, social utopia, transcendentalism, philosophy of history, fatalism*

REFERENCES

- [1] Serbinenko V.V. *Vi.S. Solovyov*. Moscow, NIMP Publ., 2000, 240 p.
- [2] Maksimov M.V. *Vladimir Solovyov i Zapad: nevidimyi kontinent* [Vladimir Solovyov and the West: the invisible continent]. Moscow, Prometey Publ., 1998, 242 p.
- [3] Asmus V.F. *Vladimir Solovyov*. Moscow, Progress Publ., 1994, 208 p.
- [4] Vorontsova I.V. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl v nachale XX veka: Monografiya* [Russian religious and philosophical thought at the beginning of the 20th century: Monograph]. Moscow, Izdatelstvo PSTGU Publ., 2008, 424 p.
- [5] Gaidenko P.P. *Vladimir Solovyov i filosofiya serebryannogo veka* [Vladimir Solovyov and philosophy of the Silver Age]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001, 472 p.
- [6] Gulyga A.V. *Russkaya ideya i ee tvortsy* [Russian idea and its creators]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, 448 p.

- [7] Losev A.F. *Vladimir Solovyov i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2009, 617 p.
- [8] Maslin M.A. Klassiki russkoy idei: Vladimir Solovyov i Nikolay Berdyayev [Classics of the Russian idea: Vladimir Solovyov and Nicholas Berdyayev]. *Solovyovskie issledovaniya — Solovyov Studies*, 2014, no. 1, pp. 47–59.
- [9] Motroshilova N.V. *Mysliteli Rossii i filozofiya Zapada (V. Solovyov. N. Berdyayev. S. Frank. L. Shestov)* [Thinkers of Russia and philosophy of the West (V. Solovyov. N. Berdyayev. S. Frank. L. Shestov)]. Moscow, Respublika, Kulturnaya Revolyutsiya Publ., 2007, 477 p.
- [10] Nizhnikov S.A., Grebeshev I.V. *Genezis i razvitie metafizicheskoy mysli v Rossii: Monografiya* [Genesis and development of metaphysical thought in Russia: monograph]. Moscow, Runivers Publ., 2016, 504 p.
- [11] Serbinenko V.V., Grebeshev I.V. *Russkaya metafiziki XIX–XX vekov* [Russian metaphysics in the 19th–20th centuries]. Moscow, Runivers Publ., 2016, 800 p.
- [12] Khoruzhy S.S. *Posle pereryva. Puti russkoy filozofii* [After the break. Ways of the Russian philosophy]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 1994, 448 p.
- [13] Bagdasaryan V.E., Resnyansky S.I. *Russkaya eskhatologiya: istoriya obschestvennoy mysli Rossii v fokuse apokaliptiki* [Russian eschatology: history of the social thought in Russia in the focus of apocalypses]. Moscow, JSC “BOS” Publ., 2022, 324 p.
- [14] Glazkov A.P. *Eskhatologicheskaya istoriosofiya i ee onto-fenomenologicheskoe izmerenie* [Eschatological historiosophy and its onto-phenomenological dimension]. Moscow, INFRA-M Publ., 2015, 216 p.
- [15] Granin R.S. *Analiticheskaya eskhatologiya* [Analytical eschatology]. Moscow, Institut Nauchnoy Informatsii po Obschestvennym Naukam RAN Publ., 2019, 159 p.
- [16] Trubetskoy E.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998, 512 p.
- [17] Berdyayev N.A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. Moscow, Eksmo Publ.; Saint Petersburg, Midgard Publ., 2005, 832 p.
- [18] Frank S.L. Religiozno-istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii [Religious and historical meaning of the Russian revolution]. *Nachala*, 1991, no. 3, p. 56–77.
- [19] Zenkovsky V.V. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Russkiy Put Publ., 2008, 528 p.
- [20] Fedotov G.P. *Sobranie Sochineniy. V 12 t. T.2: Statyi 1920–1930-kh godov iz zhurnalov “Put”, “Pravoslavnaya mysl” i “Vestnik RSKhD”* [Collected works. In 12 vols. Vol. 2: Articles of the 1920–1930 from the journals Put, Pravoslavnaya mysl and Herald of the RSKhD]. Moscow, Martis Publ., 1998, 380 p.
- [21] Bulgakov S.N. *Pravoslavie* [Orthodoxy]. Moscow, AST Publ., 2003, 365 p.

Romanenko A.A., Applicant, Department of History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia. e-mail: dior11111@mail.ru